АЛЕКСАНДР И АЛЕКСАНДРА

Владимир ПОЛЯКОВ

Когда я встречаю ее, сердце сжимается. Хочется догнать, остановить, чем-нибудь помочь. До боли похожую на мою маму: маленькую, сухонькую, невзрачную. В старой, изношенной дермантиновой куртке, опирающейся на самодельный костылек из тальника, отполированный ее сморщенными, с крупными венами, изуродованными непосильной работой, руками. Руками, которые в своей жизни переделали столько всякого, что и представить невозможно.

Со спины все старушечки чем-то похожи. Такие же беспомощные, шагающие тихонько за хлебом, лекарством или стоящие в очереди за небольшой пенсией, которой едва хватает на "свет", воду и скромную "прожиточную корзину". Чем ей помочь? Честно говоря, не знаю. Подойти и дать денег - не возьмет, обидится. Пожалеть - тоже. Поговорить? Да. Но о чем? О том времени, которое для нее прошло? Или о том, в котором она сейчас живет? Жить, безусловно, стало лучше, интересней. Но кому? Ей? Вряд ли...

Встречаю. Говорим о погоде, о здоровье, конечно, о пенсии, которую обещают добавить. Постепенно перехожу к нужной для меня теме:

- Баба Саша, давайте встретимся. Скоро 60-летие Великой Победы. Расскажите о себе, о фронтовике - муже. Она удивленно смотрит на меня усталыми глазами:

- Сынок, кому это надо? Мы свое прожили... - Но все же соглашается.

- Приходи завтра...

Сидим за кухонным столиком у окна, с горшочком герани, пьем чай с вареньем и неспешно ведем беседу. Баба Саша на меня, как на икону смотрит. Глаза благодарностью так и светятся - пришел!

- Ты если, сынок, писать будешь, то про меня поменьше. Я ведь не воевала. Нас, девчонок, в войну на трактористок выучили. Мужики на фронт ушли, а мы за трактора-то и сели. Целая бригада. Трактора, правда, не те, были, что сейчас. Колесники, может, у музея в районе видел? Вот они самые и есть. Если заглохнет, самой не завести. Силенок не хватало. Ну да у нас бригадир был, Шигин Иван, его по ранению списали, еще в 41-ом. Он хоть и с одной рукой, зато здоровый был, сильный. Видит, что мы мучаемся, подойдет, бывало, слезы вытрет, возьмет ломок, да как крутнет маховик, он родимый и оживет. А пахали в три смены. Иван во все смены работал. И когда только отдыхал? Мы, бывало, и засыпали за штурвалом - то... А вот уже в 44-ом меня послали учиться в "Ленинский" на токаря. Потом до конца войны я токарем и работала. Давай, я тебе чайку-то долью.

За окном ярко светило весеннее солнце. Весна была ранняя, да и снега в этом году было мало. Про такую зиму в народе говорят: сиротская.

- Сашенька, сокол мой, в армию-то ушел по призыву в 40 году. И года не прошло, как мы поженились. Тогда про войну разговоров много было, хотя никто в это не верил. Думали: ну куда германцу-то! Хотя слышали, что пол Европы уже под ним. А тут в июне и грянуло. Как в той песне: 22 июня, ровно в 4 часа Киев бомбили, нам объявили, что началась война! Веришь, нет, от Сашеньки весточки до октября 41-го не было, с сыночком Коленькой на руках, измучилась вся. Мужиков-то собирать стали сразу в начале войны. Уйдут сердешные - все! Так вот, в октябре от Сашеньки письмо пришло. Пишет, что воюет справно. Немножечко раненый был. С окруженья с боями выходили. Танкист (он до армии в совхозе трактористом работал). Вот ему сподручно на танке-то воевать. Да еще не просто танкист, а разведчик. Я, понятное дело, поплакала на радостях, только горевать долго времени не было. Все для фронта, все для Победы, сам понимаешь.

Потом вестей долго не было. Я грешным делом думала: убили родимого, хотя и верила, что живой. И вот, аж в октябре 44-го, письмо пришло. Оказалось, где-то под Ленинградом воевал. В госпитале лежит раненый. Обещали отпуск домой. Радости края не было. Приехал, сокол мой ясный. Посмотрела я на него. Три нашивки по ранению, три ордена Славы да Красная Звезда и медаль "За отвагу". Спрашиваю:

- Сашенька, за что?

- Да ладно, мать, потом как-нибудь расскажу... Единственное, что и рассказал, как в разведке "языка" взял. Офицера какого-то, с документами. Спать легли, лампа горит. Господи! На спине шрам, на груди шрам.

- Сашенька! Родненький! Да на тебе места живого нет! А он сердится, курит, говорит:

- Вот еще немного повоюем, добьем немца поганого, приду домой и заживем, мать, как никогда. Вон Колька, помощник растет... На побывке был месяц, да еще военком десять дней дал, а в январе 45-го я его проводила. Весной, где-то в конце апреля письмо пришло из Чехословакии. Вижу казенное. В общем, обещал вернуться, а не сдержал обещание-то ... Молчали. Я смотрел в окно. Баба Саша разглаживала на столе уголок клеенки. Слез не было. Видно, она их давно выплакала. Только часто-часто моргала глазами, да щурилась.

- Вот память от побывки у меня и осталась: доченька наша - Наденька, да ордена с медалями и письма. Правда, орденов и медалей тоже не было, только документы. Сынок Коленька, в прошлом году в гости из Барнаула приезжал с внучком своим, платок с кистями привез, тепленький. Внучек большенький уже такой, самостоятельный, вот он награды и прихватил с собой. Ему, наверное, они нужней; как в память о прадеде... Заболтала я тебя, вот и чай остыл.

Она виновато как-то взглянула на меня, вроде оправдывалась. Мне очень хотелось верить в то, что далекому внуку, ордена и медали деда нужны, как память. Дай бы Бог!

Без малого 60 лет прошло с той войны. Я смотрел ее домашний альбом, в котором было много фотографий ее детей и внуков. Мало было ее и героя -Сашеньки. На них они были молоды и счастливы.